

ТАТЬЯНА КУЗЬМЕНКО,

аспирантка кафедры методов и методологии социологического исследования Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

Тенденции изменений в оценке жизненной ситуации участниками ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС

Abstract

In the article based on sociological research data, the author has discussed how those who took part in doing away with Chernobyl pollution (the liquidators) estimate their living conditions and how it depends on deterioration of their physical and mental health. As the result of this deterioration, the liquidators are less successful in labor market and in providing their families, their family problems have been deteriorated too. 48,9% of the liquidators regard themselves to be victims. It is more than the same indicator among their surrounding. As to the author, this indicator plays the most important role in forming the outlook and passive life position of the liquidators.

Авторы исследований по социологии катастроф отмечают, что масштаб катастрофы всегда обусловлен вероятностью последующих социальных изменений и продолжительностью восстановительного периода после нее. Чернобыльская авария, которую относят к широкомасштабным транснациональным “сверхкатастрофам”, явилась величайшим потрясением для всего человечества. Вместе с тем, “второй катастрофой” можно считать ее социальные последствия. Тяжелейшим и наиболее неожиданным последствием оказалась “чернобыльская общность”, сообщество “пострадавших раз и навсегда”, те люди, для которых жизнь раскололась надвое — до и после Чернобыля. “Нормальный человек! И в один день ты превращаешься в чернобыльского человека. Удивительно! Это что-то такое, что всех интересует и никому не известно. Ты хочешь быть как все, но уже нельзя. Ты не

можешь. На тебя смотрят иными глазами. Тебя спрашивают: там было страшно? Как горела станция? Что ты видел? И вообще, могут ли у тебя быть дети? Жена тебя не бросила? Поначалу мы вызывали удивление... Само слово “чернобылец” и сейчас еще — как звуковой сигнал... Все оборачиваются в твою сторону... Оттуда!.. Мы утратили не город, а целую жизнь...”, — так воспринимают послечернобыльскую реальность сами потерпевшие [1, с. 22]. Люди, которых объединяет термин “чернобыльское сообщество”, сильнее ущемлены социально, они глубже поражены биологически [2].

Людей, принимавших непосредственное участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, обычно называют ликвидаторами. Они занимают особое место в рядах потерпевших. Потерпевшими они стали потому, что выполнили свой гражданский долг и, рискуя собственной жизнью, ликвидировали аварию на атомной электростанции. Разные по национальности, возрасту, полу, профессии, жизненному опыту и ориентациями, они превратились в сообщество по признаку, навечно определившему их как “чернобыльцы” и “ликвидаторы”. Чернобыль оставил глубокий след в сознании каждого из них, вызвав особенное отношение к жизненным ценностям.

Ныне в Украине проживают свыше 300 тысяч ликвидаторов [5, с. 5]. Они одолели Чернобыльскую аварию, однако вопрос: “Кто кого победил?” остался открытым. Герои-победители ежедневно преодолевают собственный “Чернобыль”. Участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС существенным образом скорректировало жизнь ликвидаторов. Потеря здоровья привела к снижению их конкурентоспособности на рынке труда, ухудшению социального самочувствия, признанию себя жертвами Чернобыля и отрицательному восприятию сегодняшних проблем. На ликвидаторов одновременно влияют негативные последствия чернобыльской катастрофы и общественного кризиса. Учитывая это, крайне актуальным представляется вопрос всестороннего изучения особенностей жизненной ситуации и ее оценки ликвидаторами. С целью раскрытия предмета нашего анализа считаем целесообразным в качестве показателей использовать самооценки материально-экономического состояния, состояния здоровья, изменений во всех сферах жизнедеятельности, оценки собственных жизненных перспектив ликвидаторов, самооценки отношения к ним в обществе, оценку приоритетности проблем и перспективные ориентации путей их разрешения, самооценку влияния участия в ликвидационных работах на здоровье, труд, досуг, заработка и жизнь в целом. Анализ изменений в жизненной ситуации ликвидаторов невозможен без обращения к данным о первых реакциях на экстремальную ситуацию, связанную с пребыванием в зоне ликвидации последствий аварии, а также без материалов, освещающих изменения в психологическом и соматическом состоянии в послеаварийный период.

Изучение социально-психологических последствий Чернобыльской аварии началось сразу же после катастрофы. Непосредственно в зоне аварии на ЧАЭС, начиная с апреля 1986 года, работала психиатрическая бригада МЗ СССР под руководством Ю.Александровского. Ученые исследовали особенности стрессовых влияний и детерминированные ими психогенные расстройства [15; 25]. Первым научно обоснованным социологи-

ческим исследованием социального самочувствия ликвидаторов, динамики их психологического состояния, особенностей труда в экстремальных условиях и первых реакций на собственный статус, социально-демографические и личностно-мотивационные факторы психологического состояния ликвидаторов стало исследование, проведенное учеными Института философии НАН Украины в декабре 1986 года, а также в марте и июне 1987 года непосредственно в зоне ликвидации последствий аварии. Результаты опубликованы в монографии Е. Головахи, Н. Паниной и др. «Человек в экстремальной производственной ситуации. (Опыт социологического исследования последствий аварии на Чернобыльской АЭС)». Подводя итоги, ученые отметили высокий уровень личной ответственности за результаты труда, самоотверженность ликвидаторов, преимущество моральных стимулов труда. И хотя во время пребывания в зоне у ликвидаторов возрастал уровень обеспокоенности, фиксировалось существенное снижение уровня удовлетворенности всеми аспектами жизни, показатели которого все более ухудшались у тех людей, которые долгое время находились на сборах, тем не менее ученые подчеркнули, что показатели психологического состояния подавляющего большинства работников отличались от нормы не так значительно, как этого можно было ожидать [17]. Данное исследование представляется весьма ценным в плане понимания влияния на человека экстремальных условий. На основании ряда данных раскрываются основные характеристики социально-психологического портрета ликвидаторов непосредственно во время выполнения ликвидационных работ. Сравнение эмпирических данных 1986—1987 годов с данными последующих исследований дает возможность проследить динамику и тенденции изменения самочувствия и оценки жизненных ситуаций ликвидаторов в послеаварийный период.

Данные о психотравмирующем действии участия в ликвидационных работах на ЧАЭС и особенностях психологического и социального состояния содержатся в работах В. Бузунова, А. Дружинина, Е. Дружининой [24], О. Панченко [21], О. Спринь [23], Н. Тарабриной, Е. Петрухина [20], Н. Ананьевой [19], С. Головенко [18], О. Бессмертной [22], В. Саламатова [14] и других. Им присуще рассмотрение катастрофы с учетом экстремальности ситуации для ее участников, определение стрессовых факторов, стадийности развития событий и их последствий.

Интересный материал о жизнедеятельности ликвидаторов в послеаварийный период, оценка ими изменений основных параметров жизни содержат материалы социологического исследования, проведенного Институтом Социологии Российской АН и Центром общечеловеческих ценностей (1991—1992 гг.) [26]. В Украине с 1991 года при поддержке Минчернобыля была разработана и реализуется комплексная мониторинговая Программа «Социальные и психологические последствия Чернобыльской катастрофы», возглавляемая доктором экономических наук Ю. Саенко. В рамках данной программы Центр социологических исследований Киевского университета им. Тараса Шевченко, начиная с 1993 года проводит мониторинговые исследования по теме: «Участники ликвидации последствий аварии на ЧАЭС как социальная группа» (научный руководитель — В. Волович). В 1993 году недоставало информации относительно основных половозрастных, социально-профессиональных и других харак-

теристик генеральной совокупности. Учитывая то, что целью исследования было выяснение основных социальных признаков сообщества ликвидаторов, объем выборки определили в 1250 ликвидаторов и 800 неликвидаторов с дифференциацией по регионам (с учетом типа населенного пункта) пропорционально общему количеству проживающих там ликвидаторов. Единицы наблюдения определялись шаговым методом на основании списков жилищно-эксплуатационных контор и районных больниц и лишь иногда, в случае необходимости опросить небольшую группу респондентов, — по месту работы ликвидаторов. Определенная таким образом выборочная совокупность является репрезентативной и воспроизводит основные социальные признаки генеральной совокупности. Массив неликвидаторов формировался из числа людей, которые имели общее с ликвидаторами место жительства. По основным параметрам он соответствовал республиканской выборке. Сравнение социальных показателей двух категорий респондентов обеспечивалось на основании трехмерных связей.

В 1995 году было опрошено статистически значимое количество ликвидаторов и неликвидаторов по параметрам, которые характеризовали выборочную совокупность 1993 г.: 450 респондентов-неликвидаторов и 850 ликвидаторов.

В 1997 году цель исследования не требовала репрезентативного для Украины опроса, поэтому выборочную совокупность ограничили обоснованным числом респондентов, что позволило произвести расчеты связей признаков на основании достаточной статистической наполненности по элементам исследуемых признаков. Массив 300 ликвидаторов (Киев, январь—февраль); 450 неликвидаторов по маршрутной выборке с учетом пола, возраста и уровня образования (Киев, февраль) и 487 ликвидаторов (среди них 313 — Кировоград, ноябрь—декабрь и 174 — Николаев, ноябрь—декабрь) дал возможность сравнивать результаты исследования по данному опросу ликвидаторов в 1993—1995 годах, учитывая основные характеристики выборочных совокупностей [5; 6]. И хотя существует некоторое различие в инструментарии исследований по годам, анализ и сравнение данных дают возможность очертить основные аспекты оценки жизненной ситуации ликвидаторами и ее изменения. На основании этих данных приходим к выводу, что социально-экономическое положение и материальные возможности ликвидаторов и их социального окружения в 1991—1993 годах (на основе самооценок прошлого и тогдашнего материального положения) были почти одинаковыми [4]. Опросы 1995 и 1997 годов обнаружили существенные различия в оценке семейного бюджета ликвидаторов по сравнению с неликвидаторами, фиксируя относительное ухудшение материального положения ликвидаторов (см. табл. 1).

Итак, в 1995 году среди ликвидаторов на 15% больше тех, кто “не может свести концы с концами” по сравнению с их социальным окружением. Значительно меньше оказалось респондентов-ликвидаторов, которым хватает на жизнь, но приобретение ценных вещей проблематично. Количество существенно разнятся респонденты-ликвидаторы и неликвидаторы, которые не испытывают никаких материальных трудностей. Среди неликвидаторов таких на 12% больше. Таким образом, в 1995 году наблюдаем абсолютное и относительное снижение уровня материальной обеспеченности в оценках ликвидаторов. Вдобавок, ухудшение материальных условий —

наиболее существенно по сравнению с изменениями в качестве питания, состоянии здоровья и досуге. Различия в жилищных условиях несущественны, тем не менее у ликвидаторов ощутимо возросла нагрузка на работе, что можно связать с общим ухудшением их здоровья [4, с. 42]. В 1997 году ухудшение состояния здоровья занимало первое место среди изменений к худшему у ликвидаторов Киева (93%) и ликвидаторов Кировоградской (85%) и было на втором месте у ликвидаторов Николаева (83%), для которых более актуальными стали изменения в материальных условиях (93%) по сравнению с Кировоградом и Киевом (84 и 74% соответственно).

Таблица 1

Характеристика семейного бюджета ликвидаторов и неликвидаторов, %

Варианты ответов	1993 год		1995 год		1997 год	
	ликвидаторы	неликвидаторы	ликвидаторы	неликвидаторы	ликвидаторы	неликвидаторы
Невозможно свести концы с концами	—	—	32	17	—	—
Еле сводим концы с концами	23	23	24	19	27	20
На питание хватает, но приобретение одежды, обуви вызывает значительные трудности	46	41	28	25	43	38
На жизнь в общем хватает, но приобретение товаров длительного пользования (телевизор, холодильник и др.) невозможно	28	32	11	22	29	38
Не испытываем материальных трудностей	2	3	6	18	1	5

Прочерки свидетельствуют об отсутствии данной позиции в инструментарии.

Взяв средние показатели по Киеву, Кировограду и Николаеву, видим, что сравнительно с 1993 годом у ликвидаторов наблюдается ощутимое снижение положительных оценок изменений по всем параметрам: состояния здоровья — в 5 раз, работы — в 1,7, материальных условий — в 1,6, происходящее на фоне резкого увеличения отрицательных оценок изменений: работы (с 26 до 52%), досуга (с 34 до 59%), материальных условий (с 61 до 83%), состояния здоровья (с 66 до 87 %) [4, с. 20; 5, с. 3; 6, с. 8].

В оценке изменений жизни в целом в 1995 году зафиксированы радикальные различия: 82% ликвидаторов против 48% неликвидаторов считали, что их жизнь изменилась к худшему [4, с. 42]. Такое расхождение сохраняется и в 1997 году: 79% кировоградских и 92% николаевских ликвидаторов считают, что их жизнь ощутимо ухудшилась.

Таким образом, объективные негативные изменения в обществе сказываются на ликвидаторах гораздо сильнее, чем на остальных категориях населения. Наиболее уязвимым оказалось социально-психологическое со-

стояние ликвидаторов, что проявилось в обострении негативизма в восприятии или изменений различных аспектов жизнедеятельности.

В оценках собственных жизненных перспектив также зафиксированы стойкие, существенно более пессимистические настроения ликвидаторов, хотя и на общем фоне падения уровня оптимизма в обществе.

Среди ликвидаторов на 16% больше тех, кто ожидает дальнейшего ухудшения. Меньше (на 7%) у ликвидаторов и оптимизма относительно завтрашнего дня. Из-за различий в инструментарии опросов 1993 и 1995 годов не совсем корректно сравнивать данные, однако если в 1993 году различия в ответах ликвидаторов и неликвидаторов относительно позиции: “ожидаю ухудшения” достигали 4%, то в 1995 году — уже 16%. Если к оптимистично-нейтральной позиции добавить варианты ответов “надеюсь на лучше” и “как-то оно будет” (1993 год) и ответа относительно ожиданий улучшения и стабильности (1995), то сравнение их довольно существенно характеризует динамику падения уровня оптимизма у ликвидаторов (на 13%).

В 1997 году для ликвидаторов остается характерным низкий уровень оптимизма: в Кировограде 7% оптимистов и 45% пессимистов; в Николаеве 12 и 29% соответственно.

Ухудшение показателей психологического состояния ликвидаторов фиксировалось еще во время пребывания их в зоне ликвидационных работ [7]. И тогда, и теперь их социально-психологическое состояние зависело от отношения к ним в обществе. К сожалению, со временем люди склонны забывать своих героев.

Сравнение оценок отношения общества к ликвидаторам свидетельствует об отрицательных аспектах мировосприятия ликвидаторов и их социального самочувствия, что, вероятно, не лишено реальных оснований (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: “Как Вы оцениваете отношение общества к ликвидаторам? ”, %

Варианты ответов	1993 год, ликвидаторы	1995 год, ликвидаторы	Кировоград, 1997 год, ликвидаторы	Николаев, 1997 год, ликвидаторы
Как положительное	16	11	11	1
Как противоречивое	23	22	14	37
Как безразличное	45	49	49	47
Как отрицательное	16	18	16	16
Трудно сказать	—	—	9	—

Прочерки свидетельствуют об отсутствии данной позиции в инструментарии.

Ликвидаторы постоянно ощущают снижение положительного отношения к ним в обществе. Государственная социальная защита участников ликвидационных работ не обеспечивает ныне надлежащей компенсации понесенных ими потерь и убытков. Система льгот не подкреплена финансово, а поэтому малоэффективна. В общих чертах ликвидаторы не удовлетворены отношением к ним общества, большинство оценивают его как безразличное и отрицательное. Отношение к ликвидаторам влияет на их со-

циальное самочувствие и самооценку. В первые годы после катастрофы к ликвидаторам относились с уважением и гордостью за их труд. “Со временем это отношение стало меняться. И, не секрет, — в худшую сторону. На фоне углубления экономического кризиса вызывали и вызывают раздражение и зависть те льготы и компенсации, которые получают ликвидаторы” [2].

“Я уже неоднократно слышал в свой адрес “дикие” высказывания, что, якобы, “ездил туда ради денег”, что только прикидываюсь чернобыльцем, ибо тот, “кто был в Чернобыле, давно умер” и, вообще, “встань в очередь, здоровяк, какой из тебя инвалид?!” [8]. Эти преисполненные горечи слова инвалида-ликвидатора — отнюдь не исключение, а скорее, далеко не единичные факты наших дней.

Тенденциозными становятся не только изменения в оценках собственной жизненной ситуации; с течением времени у ликвидаторов изменяются также те ценностные ориентации, на которые в значительной мере влияют состояние здоровья и материальная обеспеченность. Сегодня для ликвидаторов наиболее актуальными являются материальные, финансовые проблемы, они оказываются сильнее, чем беспокойство состоянием собственного здоровья и здоровья близких (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
“Что Вас более всего беспокоит в жизни?”, %**

Варианты ответов	1993 год не-ликвидаторы	1993 год ликвидаторы	1997 год (Николаев) ликвидаторы	1997 год (Кировогра) ликвидаторы
Материальные, финансовые проблемы	79	79	94	80
Состояние здоровья родных и близких	74	61	35	35
Состояние собственного здоровья	49	61	77	63
Проблемы питания	38	42	—	—
Дефицит промышленных товаров	18	19	—	—
Политические проблемы (нестабильность в обществе)	23	26	19	20
Производственные проблемы	11	14	—	—
Уровень культуры людей	19	30	—	—
Бытовые проблемы	22	21	9	19
Экологические проблемы	48	45	15	16
Семейные проблемы	—	—	30	20
Проблемы правопорядка	—	—	40	22
Другое	1	2	0	1

Прочерки свидетельствуют об отсутствии данной позиции в инструментарии.

Неопровержимыми являются изменения актуальности и ранга состояния здоровья родных и близких. Если в 1993 году данная ценность имела

второй ранг в системе ценностей ликвидаторов и их социального окружения, то в 1997-м состояние собственного здоровья гораздо больше беспокоит ликвидаторов и значительно превышает уровень обеспокоенности здоровьем родных. Существенно тут также снижение уровня озабоченности по поводу экологических проблем; почти такой же остается доля ликвидаторов, для кого политические проблемы относятся к рангу самых актуальных жизненных проблем (25% в 1993 году и 19–20% — в 1997-м) .

Происходит переориентация, в результате которой теряют свою значимость поддержка со стороны государства и предприятия; а вот собственные силы и способности превращаются едва ли не в единственную надежду. Можно предположить, что такая переориентация вызвана преимущественно неэффективностью механизмов государственной социальной защиты ликвидаторов (свыше 63% опрошенных считают, что весомость льгот ныне крайне низкая [4]), а также ухудшением материального положения и является вынужденной, хотя и достаточно положительной реакцией ликвидаторов на современное развитие событий (см. табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов-ликвидаторов на вопрос:
“Думая о завтрашнем дне, на что Вы надеетесь?”, %**

Варианты ответов	1995 год	1995 год	1997 год, Кировоград	1997 год, Николаев
На собственные знания и способности	38	47	55	70
На достижения предприятия	10	10	2	1
На поддержку со стороны государства	27	10	15	1
Ни на что не рассчитываю	18	21	10	11
На свою семью и родственников	—	—	15	7
Трудно сказать	14	16	4	10

Прочерки свидетельствуют об отсутствии данной позиции в инструментарии.

Анализируя оценку ликвидаторами эффективности льгот и компенсаций и деятельности государственных и общественных организаций, причастных к оказанию помощи пострадавшим от аварии, удовлетворенность ликвидаторов отношением к их проблемам, Е. Головаха приходит к выводу, что ликвидаторы не ощущают серьезной поддержки со стороны государственных и общественных организаций, о большинстве которых они даже не знают. В то же время, считает исследователь, потребность в государственной помощи очень велика, учитывая плохое самочувствие и трудности в адаптации к новым условиям жизни [27].

В течение последних лет после аварии самыми весомыми и решающими становятся отрицательные изменения в состоянии их здоровья [9]. В самооценках состояния здоровья ликвидаторов очевидны отрицательные тенденции.

Сравнивая данные самооценок состояния здоровья ликвидаторов, полученные Центром социологических исследований Киевского университета им. Тараса Шевченко в 1993–1997 годах, можно заметить существен-

ное увеличение ответов типа “чувствую себя больным” и “чувствую себя очень больным”.

Результаты сравнения самооценок состояния здоровья ликвидаторов, свидетельствующие об ухудшении общего самочувствия ликвидаторов, подтверждаются и другими данными, в частности, материалами медицинских исследований. В ликвидационных работах участвовали практически здоровые люди. В 1994 году число практически здоровых среди ликвидаторов сократилось на 49% и составляло 29%. Среди эвакуированных процент практически здоровых за этот период снизился на 32%, а среди населения “зоны повышенного радиоэкологического контроля” — на 20% [3]. Следовательно, ликвидаторы гораздо быстрее других категорий пострадавшего населения и населения Украины в целом теряют собственное здоровье. В 1995 году распространенность заболеваний среди ликвидаторов на 49% превышала средний по Украине показатель.

Медицинские исследования обнаружили четкую тенденцию роста заболеваемости ликвидаторов, регистрируя вместе с тем повышение частоты более тяжелого течения заболеваний, преобладание одновременного поражения сразу нескольких органов или систем организма, увеличение показателей потери трудоспособности [4]. Показатели смертности и инвалидности ярче остальных характеризуют степень влияния на организм человека неблагоприятных факторов Чернобыльской катастрофы и дают возможность прогнозировать медицинские и социальные последствия.

С момента аварии зафиксировано увеличение впервые признанных инвалидами среди ликвидаторов в 34,2 раза (с 9,6 на 10000 человек в 1987 году до 328,5 на 10000 человек в 1991-м с дальнейшим падением до 208,4 на 10000 человек в 1995 году). К основным причинам признания ликвидаторов инвалидами относятся: заболевания системы кровообращения (49,5%), нервной системы (25,7%) и органов пищеварения (9,3%) [10, с. 8].

Со дня аварии до 1991 года имеет место ежегодное увеличение числа впервые признанных инвалидами среди ликвидаторов, с 1992 года наблюдается спад интенсивности перехода ликвидаторов в ранг инвалидов. Данные показатели превысили общеукраинские 1994 года в 6,2 раз, 1995-го — в 4,5 раза, 1996 года — в 4,1 [10; 11]. То есть, обозначилась тенденция относительного уменьшения количества впервые признанных инвалидами ликвидаторов, причем общее количество инвалидов-ликвидаторов каждый год будет неуклонно возрастать.

Смертность ликвидаторов в 1995 году по сравнению с 1987-м годом возросла на 73%, достигнув уровня самых высоких показателей динамики даже по сравнению с другими категориями потерпевших [10, с. 8]. Темпы роста показателей смертности среди ликвидаторов более чем вдвое опережают темпы смертности среди остальных категорий потерпевших в результате аварии [10, с. 2]. За время, прошедшее с момента катастрофы до 1997 года, показатели смертности среди ликвидаторов возросли в 6,5 раз [9; 12]. Среди причин их смертности самый высокий удельный вес приходится на новообразования [10, с. 12]. Если в 1993 году 60% смертей ликвидаторов связывали с отрицательным влиянием Чернобыля, то в 1994 году уже 77% [13]. Одним словом, картина предельно ясна.

Данные многочисленных исследований подтверждают, что во время работы в зоне аварии у ликвидаторов наблюдался “комплекс острых психосоматических расстройств, свидетельствовавший о наличии дистресса”

[14, с. 26–37]. Согласно теоретическим данным, динамика психогенных расстройств после пребывания в экстремальной ситуации проходит определенные фазы. Ученые Национального института психического здоровья (США) среди психических реакций при катастрофах выделяют четыре фазы: 1) “героизм”; 2) “медовый месяц” (которому присуща гордость и вера в то, что все разрешится наилучшим образом); 3) разочарование (свои собственные гнев и горечь); 4) восстановление (осознание необходимости самостоятельно решать собственные проблемы) [15, с. 18]. Вероятно, по психологическому состоянию подавляющее большинство наших ликвидаторов переживают четвертый период, так и не выйдя из третьего.

Результаты психофизиологического обследования ликвидаторов спустя пять лет после аварии дали основания для выводов о наличии у ликвидаторов устойчивого высокого уровня личностной тревожности, который очень медленно снижался, по сравнению с данными, полученными Центром радиационной медицины в 1987 году непосредственно в зоне ликвидации последствий аварии [14]. На основании анализа психологических последствий В.Саламатов считает, что лиц, испытавших многофакторное влияние Чернобыльской аварии, надлежит относить к группе риска психосоматических заболеваний [14, с. 35]. Эти люди крайне нуждаются в специализированной психологической поддержке и реабилитации.

Молодые мужчины трудоспособного возраста практически не в состоянии самостоятельно обеспечить семью материально, они вынуждены надеяться на помощь со стороны государства. Значительное количество ликвидаторов попадает в ранг пенсионеров. Во время опроса 1995 года респонденты-ликвидаторы отмечали, что в 1991 году все они работали, а вот в момент опроса 17% из них уже превратились в неработающих пенсионеров, хотя только 8% из них достигли 60-летнего возраста [4, с. 43].

По медицинским прогнозам, пик чернобыльских болезней еще впереди [2]. Последствия катастрофы, отразившиеся на жизнедеятельности ликвидаторов, можно считать “вторым стихийным бедствием” [15]. Участие в ликвидационных работах в определенной степени сказалось на всех сферах жизни. Подтверждением этому может послужить длительное доминирование негативной оценки влияния Чернобыля на основные жизненные ценности в сознании ликвидаторов. Время, отдаляющее нас от аварии, не уменьшает их негативизма (см. табл. 5).

Таблица 5

Оценки влияния участия в ликвидационных работах на основные жизненные аспекты ликвидаторов (Кировоград, 1997 год; %)

Варианты ответа	Заметно повлияла	В определенной мере	Не повлияла
Здоровье	55	40	6
Работа, занятия	29	40	31
Досуг	22	39	39
Зарботки	33	37	30
Жизнь в целом	40	41	19

Помимо первоочередного, наиболее весомого влияния участия в ликвидационных работах на здоровье, выделяется влияние на другие аспекты

жизни ликвидаторов. Чуть менее трети ликвидаторов уверены в отсутствии такого влияния на досуг, работу, заработка, жизнь в целом и, конечно же, на здоровье.

Социологические исследования фиксируют зависимость оценок жизненной ситуации и жизненных перспектив ликвидаторов от их физического и психического состояния [5; 6; 16]. Пережитый ликвидаторами стресс повлек немало тяжелых заболеваний в соматическом и психическом плане. Среди своего социального окружения ликвидаторы выделяются худшими показателями и более высокими темпами ухудшения состояния здоровья, ростом числа инвалидов, падением трудоспособности и результативности интеллектуальной деятельности, ускорением физического и психологического старения организма. В результате — низкие конкурентные возможности ликвидаторов в трудоустройстве и материальном обеспечении собственной семьи, а также увеличение и обострение семейных проблем. 49% ликвидаторов считают себя “жертвами”, а это крайне отрицательный показатель, поскольку он существенно отражается на мировосприятии и формировании пассивной жизненной позиции.

Анализ тенденций изменения жизненной ситуации ликвидаторов и их социального окружения дает возможность утверждать следующее.

До 1993 года в экономическом плане ликвидаторы не выделялись из своей социальной среды, однако после 1995 года наблюдается абсолютное и относительное падение уровня материальной обеспеченности ликвидаторов. Присущие всему обществу тенденции общего ухудшения материального положения и одновременного расслоения на противоположные по материальным признакам категории в социальной группе ликвидаторов имеют особые формы проявления: резкое ухудшение социально-экономического положения всей группы и отсутствие четко выраженной материально обеспеченной категории среди них.

Если различия в экономическом плане фиксировались, начиная с 1995 года, то расхождения в состоянии здоровья и психологическом самочувствии ликвидаторов наблюдаются намного ранее и имеют ярко выраженную тенденцию к усилению отрицательного контраста по сравнению с неликвидаторами. Это своеобразно отражается на системе ценностных ориентаций ликвидаторов. При всей схожести в определении ценностных предпочтений, проблема собственного здоровья у ликвидаторов становится центральной и перевешивает (в отличие от социального окружения) ценность здоровья родных и близких. Однако материальные затруднения вытесняют даже проблемы здоровья.

Тенденциозным становится уменьшение в социальной группе ликвидаторов тех, кто в решении собственных проблем полагается на государство и предприятие, тогда как неустанно возрастает количество людей, полагающихся только на себя. И хотя это явление в какой-то мере положительно, однако почва его крайне отрицательна: осязаемое ослабление защитной роли государства.

Учитывая все это, можно сделать вывод: ожидать нивелирования различий в жизненной ситуации и восприятии ее ликвидаторами не придется. Напротив, к величайшему сожалению, можно прогнозировать лишь дальнейшее углубление их контрастности, и, прежде всего, в показателях

физического и психологического состояния, а также социально-экономического положения.

Весьма уместным завершением нашей статьи может послужить следующая цитата: “Сложилась парадоксальная ситуация, когда ликвидаторы требуют все более пристального внимания, а общество дает им все меньше и меньше, вызывая в них ощущение несправедливости, осознания себя жертвой. По-видимому, адекватная потерям компенсация способствовала бы ускорению реадaptации ликвидаторов к социальной действительности. А вместо этого мы имеем группу ликвидаторов как показатель нездорового общества” [16, с. 157].

Литература

1. *Алексеевич С.* Чернобыльская молитва // Дружба народов. — 1997. — № 4.
2. *Пивоваров Г.* Пік Чернобыльських хвороб ще попереду // Вісник Чорнобиля. — 1997. — 13 грудня.
3. Чернобыльська трагедія (документи і матеріали). — К., 1996.
4. *Яковлев Б.С., Волович В.І., Попович В.В.* Учасники ліквідації наслідків аварії на ЧАЕС як соціальна група. — К., 1997.
5. Звіт з теми “Учасники ліквідації наслідків аварії на ЧАЕС як соціальна група. Моніторинг життєвих проблем”. IV етап // Матеріали соціологічних досліджень, січень—лютий 1997 р. — К., 1997.
6. Звіт з теми “Учасники ліквідації наслідків аварії на ЧАЕС як соціальна група. Моніторинг життєвих проблем”. VI етап // Матеріали соціологічних досліджень, 1997 р. — К., 1998.
7. Соціальні наслідки Чернобыльської катастрофи. Результати соціологічних досліджень 1986—1995 рр. — Харків, 1996. — С. 308—317.
8. Міняю Чернобыльські “мільйони” на здоров’я // Вісник Чорнобиля. — 1994. — № 13. — Лютий.
9. *Саєнко Ю.* Віч-на-віч з чернобыльським лихом // Універсум. — 1997. — № 9—10.
10. Показники здоров’я та надання медичної допомоги потерпілим від наслідків аварії на Чернобыльській АЕС (1994—1995 роки). — Ч. I. — К., 1996.
11. Показники здоров’я та надання медичної допомоги потерпілим від наслідків аварії на Чернобыльській АЕС (1996 рік). — Ч. II. — К., 1997.
12. *Либанов Э.Б.* Концепция демографических приоритетов развития Украины в постчернобыльский период // Чернобыльська аварія, її наслідки та проблеми їх подолання. Тези доповідей. — Київ, 20—21 квітня 1994 р. — К., 1994.
13. *Калита В.* Відлуння Чорнобиля // Медична газета України. — 1995. — 2 травня.
14. *Саламатов В.А.* Психологическая напряженность при работах в зоне устранения последствий аварии на Чернобыльской АЭС // Авария на Чернобыльской АЭС: Радиационный мониторинг, клинические проблемы, социально-психологические аспекты демографической ситуации, малые дозы излучения. — Информационный бюллетень. — К., 1992. — Вып. 2.
15. *Александровский Ю.А., Лобасов О.С., Стивак Л.И. и др.* Психогении в экстремальных условиях. — М., 1991.
16. *Волович В.І., Попович В.В.* Ліквідатори // Чорнобиль і соціум. Випуск другий. Соціально-психологічна динаміка наслідків катастрофи. — К., 1995.
17. *Головаха Е.И. (отв. ред.), Панина Н.В. и др.* Человек в экстремальной производственной ситуации (опыт социологического исследования ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС). — К., 1990.

18. Головенко С.В. О взаимоотношениях между психическими и соматическими расстройствами у ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. — 1994. — Т. 94. — № 2. — С. 93–95.

19. Ананьева Н.В. Центральная электротранквилизация в лечении депрессивного синдрома участников ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС // Современные методы биологической терапии психических заболеваний : Тезисы Междун. конф. памяти проф. Г.Я.Авруцкого (Москва, 1–4 февраля 1994). — М., 1994. — С. 6.

20. Тарабрина Н.В., Петрухин Е.В. Психологические особенности восприятия радиационной опасности // Психологический журнал. — 1994. — Т. 15. — № 1. — С. 27–40.

21. Панченко О.А. Основные типы психической дезадаптации у ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС // Український вісник психоневрології. — 1994. — Вип. 4. — С.118–121.

22. Безсмертна О.В. Психофізіологічні стани ліквідаторів аварії на Чорнобильській АЕС: Автореф. дис... канд. мед. наук. — Донецьк, 1996. — 22 с.

23. Спринь О.Б. Стан вищої нервової діяльності у ліквідаторів аварії на ЧАЕС : Автореф. дис... канд. біолог. наук. — К., 1997. — 19 с.

24. Бузунов В.А., Дружинин А.М., Дружинина Е.С. Психотравмирующее воздействие Чернобыльской катастрофы: концептуальный аспект процесса получения базовой информации // Авария на Чернобыльской АЭС: Радиационный мониторинг, клинические проблемы, социально-психологические аспекты демографической ситуации, малые дозы излучения : Информационный бюллетень. — К., 1992. — Вып. 2. — Т. 1. — С. 6–17.

25. Состояние психической дезадаптации в экстремальных условиях (по материалам аварии на Чернобыльской АЭС) / Александровский Ю.А., Румянцева Г.М., Щукин Б.П., Юров В.В. // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С.Корсакова. — 1989. — Т. 89. — Вып. 5. — С. 111.

26. Образ жизни участников ликвидации последствий Чернобыльской аварии. (Количественные результаты опроса). Серия “Социальные проблемы экологии”. — Вып. 5. — М., 1992. — 35 с.

27. Головаха Є. Постчорнобильська соціальна політика України і міжнародного співтовариства: оцінка ефективності і перспектива розвитку // Соціальні наслідки Чорнобильської катастрофи. Результати соціологічних досліджень 1986–1995 рр. — Харків, 1996. — С. 379–398.